

18+

Елена Лобанова

**Игра «Жизнь»
по Конуэю**

Елена Лобанова

Игра «Жизнь» по Конуэю

«Издательские решения»

Лобанова Е.

Игра «Жизнь» по Конуэю / Е. Лобанова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982869-9

Эту книгу можно отнести, скорее, к жанру «лирический киберпанк», поскольку то, что поначалу кажется дневниковыми записями, таит в себе нечто большее. Развязка будет неожиданной.

ISBN 978-5-44-982869-9

© Лобанова Е.
© Издательские решения

Содержание

Елена Лобанова	6
2	9
3	10
4 Временный союз с мамоной	12
5 Хранитель мой, Сехейя!	14
5	17
6	19
7	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Игра «Жизнь» по Конуэю

Елена Лобанова

© Елена Лобанова, 2020

ISBN 978-5-4498-2869-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Елена Лобанова

Игра «Жизнь» по Конуэю*

«...В последнее время уже все не так. Временами на меня находит такое чувство, будто все, что я делала до сих пор, было неправильно, и мне страшно. Будто кругом ночь, мне снится яркий сон, я вдруг просыпаюсь и какое-то время никак не могу понять, где же настоящая реальность...».

Х. Мураками, «Мой любимый Sputnik».

Я верую в любовь! Она – наш Бог.

Сэр Элтон Джон

Половина первого ночи. Сижу, скукожившись в кресле, и жду, покуда брат-подросток досмотрит по телику зубодробительную комедию. «Big troubles», вроде, называется. Из серии «Тупой и ещё тупее» – классика самого одиозного голливудского жанра, изобретённого гениальным Чаплиным и бездарно загубленного его эпигонами... Какой же всё-таки ужас, что ввиду дефицита квадратных метров, гостиная служит мне спальней... The end! Неужели?

– Топай спать, бродяга, – выпроваживаю я полусонного братца. Включаю комп и открываю окно, чтобы проветрить помещение, где внятно отдаёт немой тинейджерской шевелурой. Убираю с подоконника цветочные горшки. Это занимает добрых пять минут, но что делать? Комнатные растения – создания нежные, а ночи в начале осени прохладные. Вожусь я со своими питомцами, словно с малыми детьми. Очень люблю их отдачу, деликатную, как солнце в сентябре. А ведь по юности кошатницей была! Но теперь смотрю на кошек, как на цветы в чужом палисаднике. Поглазела – и дальше пошла. Ибо хлопот с усатыми не оберёшься. Котов не кастрируешь, так душу ором вынут и все, как есть, углы «пометят». Ну и конечно, эта вечная головная боль: куда девать котят? Кошке, видишь ли, рожать раз в году полагается, не то – затоскует и сдохнет. Ничего себе, да, подход к репродукции? Не то, что у некоторых...

Ладно, раз уж наваяло: свела меня как-то судьба с роскошным, щедрым нуворишем: харизма бешеная, комплименты, подарки... Короче, высокие отношения. Однако стоило мне только забеременеть, как мачо немедленно сдулся. Он вздыхал и сокрушался, что не сможет свозить меня в Дубай (многочасовой перелёт опасен в моём положении), а ему бы так этого хотелось, ведь я ещё так молода и мир совсем не повидала... Ну, и тому подобное. Я избавилась от ребёнка. Смертный грех, говорите? Я в курсе... Но, на минуточку: забрав меня из абортария, мой мачо омерзительно сфальшивил, сбил боёк, после чего я перестала винить в случившемся себя одну.

---

* Одна из так называемых стратегических игр, придуманная в 1970 году английским математиком Конуэем. Игру проводят на плоской поверхности, разбитой на квадраты, например, на доске для игры «го». Она состоит из отдельных ходов, которые имитируют смену поколений, а переход от поколения к следующему происходит по правилам выживания, рождения и гибели.

Едва осведомившись моим самочувствием, он отвёл глаза в сторону и сообщил, что именно сейчас ему как назло надолго нужно уехать: на кону подписание крупного контракта. Некоторое время мы ещё созванивались, но в итоге, понятное дело, расстались. Прощения за то, что не дал нашему ребёнку шанса, он ни разу не попросил. Я много раз произносила эти слова вместо него и сама же отвечала: «Бог простит»...

Простил ли его по концовке Господь, неизвестно. Зато меня не простил точно. Возможно, этот камень на сердце и есть настоящая причина преследующих меня неудач? Каждый раз, когда решаю я облегчить совесть и выложить всю душу на бумаге, из-под пера выходит нечто несуразное, неправильное и корявое – не покаяние, а выпрeнная мелодрама. Впрочем,

это ведь не объясняет, почему в огромном, можно сказать, бездонном море печатной продукции нет ни единой, да хоть самой захолустной пристани для моих выстрадавших бессонными ночами книжек? Скажете, итак всё завалено женской беллетристикой, приторной, как туалетное мыло ручной работы? И что такого? Одной писательницей меньше, одной больше...

«Ишь ты! – усмехнется читатель (если у этой книги он вообще когда-то появится), – ещё с теми запросами дамочка!». За скромников добавлю: ещё и с «приветом». Потому что, ко всему прочему, присутствует в моей жизни нечто необъяснимое, проявляясь внезапно и не к месту. Такое со многими случается, но в детстве. Как это качество во мне выжило чуть не до седых волос, не ведаю! Одна из таких, глубоко личных загадок – романы Харуки Мураками. Читаю – и никак не покидает ощущение дикого розыгрыша, эдакого сальто-мортале с канвой, куда подмешаны личные мои переживания, которыми я ни с кем и никогда не делилась. Для примера: купила в «Букинисте» «Мой любимый sputnik», аккурат перед звонком в очередное издательство. И вот, что было дальше.

Некая сотрудница на том конце провода уточнила название рукописи:

– «ПрАкрити»?

– «ПракрИти», – поправила я.

– Всё равно, – в голосе женщины за тысячи вёрст слышались усталость и раздражение, – Получен отказ в публикации, двадцать восьмого числа...

– Минуточку! – изумилась я, – Как такое возможно? У меня квитанция о вручении бандероли, там двадцать девятое на штемпеле!

– Понятия не имею, – безо всякого выражения ответила сотрудница и положила трубку.

Чудеса в решете! Книге отказано в праве на существование за день до того, как в издательстве расписались в получении рукописи!

Нельзя сказать, чтобы я уж очень хорошо справилась с очередным фиаско. Просто заткнула обиде рот кляпом и взялась за Мураками. С той же целью, с какой распечатывает бутылку водки алкоголик, – пропустить стаканчик и забыться. Так вот, открываю, значит, я книгу – и хлоп! Волна адреналина пошла по венам. Вы только представьте, повествование как раз об одержимой романистке, которая всё примеривается наваять нечто грандиозное, да никак у неё не выходит. С маниакальным трепетом заглазываю страницу за страницей.

«...Когда-нибудь ты напишешь прекрасный роман. Если прочесть то, что ты уже написала, это совершенно очевидно.

– Ты в самом деле так думаешь?

– Я всем сердцем так чувствую. Правда...»

Помню в схожем порыве отчаянья, уже не зная, кому пенять на неудачу, помянула я крепким словом небесного покровителя: «Вот скажи мне, хранитель хренов, почему одни стряпают романы, как пирожки, а другие вечно получают отказы, а потом просиживают месяцами в прострации?». Ответа на дерзкий вопрос не было годы. Так я думала, пока не наткнулась на «Sputnik». И почему-то сразу поверилось, что каким-то невероятным образом – это весточка от него, от Ангела то есть.

«– Скорее всего, ты сейчас пытаешься найти себе место в рамках нового литературного произведения. И пока ты в поиске, тебе незачем выражать свое состояние на бумаге. Наверняка так. Или же тебе просто не до этого.

– Ничего не поняла, чего ты мне тут наговорил. Скажи лучше, ты что – мысленно переносишь себя внутрь какого-нибудь произведения?

– Думаю, большинство людей на Земле так делает. Конечно, и я тоже. Если вспомнить, как устроен автомобиль, это похоже на трансмиссию. Человеку нужна такая трансмиссия между ним и жесткой реальностью. Когда внешний мир наваливается на тебя своей мощью, ты меняешь положение шестеренок в коробке передач – просто переключаешь ско-

рость, чтобы принять этот удар легко. Так живые существа оберегают свою хрупкую оболочку. Понимаешь, о чем я?»

А с тобой, дорогой читатель, бывает? Когда ночью никак не уснуть, и ты покидаешь мягкую постель, своё жилище, садишься за руль и мчишь безрассудно среди звёзд на скорости, близкой ко второй космической... Куда? Абсолютно неважно. Вся соль в движении. В жадном стремлении вырваться за круг, очерченный судьбой. ИМХО, люди делятся на две категории, которые никогда духовно не пересекутся. Одни видят преимущества человеческого звания в том, чтобы устроиться в этом мире с максимальным удобством. Другие с радостью откажутся от комфорта ради неизведанных далей и новых ощущений. Они – нарушители установленных границ, лазутчики, нелегитимно проникающие в пучину запретного. Их души глубоки, как бездна. Их разум нацелен в небо. Полубоги-полузвери...

1

Я и Мураками

2

Демон времени

Куда опять запропастилось вдохновение? После бурного подъёма, на одном выдохе начертанных глав – и на тебе, полнейший ступор... Сажу, гляжу на монитор, он смотрит на меня, вопросительно отсвечивая девственной белизной вордовской страницы. Скажите на милость, какая цаца эта писательская муза! И ведь ни единой зацепки, с чего бы развить сюжет. Ни знака, ни намёка, сколько в памяти не копайся...

Кстати, способность подмечать то, что от обычного восприятия ускользает, старина Фрейд признавал за параноиком: «...ибо его взор острее нормальной мыслительной способности...». Проще говоря, люди с таким синдромом наблюдательнее. Это плюс. Но они суеверны, что, конечно, – минус. Хотя совсем отрицать некоторые в нашей жизни странности, по-моему, тоже ненормально. Кому, допустим, не случалось безуспешно вспоминать что-то для себя чрезвычайно важное? Тогда как эпизоды менее значительные – с утилитарной стороны, – всплывают перед глазами со всеми оттенками запахов и красок, как будто это было только вчера, и ощущения не успели выветриться. Выходит, память чистится по какому-то неподвластному логике принципу. Дайте подумать... «Демон» Максвелла. Этот одержимый наукой британец провёл однажды мысленный эксперимент: выдумал сосуд, разделённый перегородкой с отверстием, через которое молекулы должны рассортировываться: горячие налево, холодные – направо. Ну, или наоборот. То есть одна половина сосуда нагрелась бы, а другая, соответственно, остыла. Само собой, не без помощи «демона-сортировщика». Но для этого он должен что? Играть с собой в орлянку и жутко нервничать? Иначе как ему нарушить равновесие? Ещё раз подчеркну: эксперимент мысленный. То есть, на практике демонов никаких не существует, даже в термодинамике. А уж какие процессы происходят с нашей памятью, к этому вряд ли вообще кто-нибудь всерьёз подступался. Однако в том, что периодически расудочная система даёт сбой, лично у меня сомнений нет. Воспоминания то утрачиваются, то возникают ниоткуда, в новом прочтении. И тогда, цепляясь умом за привычные вещи, с ужасом ловишь себя на мысли, что уже не понимаешь, где кончается реальность и начинается то, что ? *лишь выглядит как реальность*

3

«Саввах фани?» или правила игры

Замуж я вышла четырнадцать лет назад. Первое время у нас была комната в общежитии. Но вскоре оттуда нас выселили. Снять отдельную квартиру в студенческом городе сложно, не говоря уже о денежном аспекте. Муж – недоучившийся студент, – пахал строителем в шарашкиной конторе, а у меня была более чем скромная зарплата помощника ответсекретаря в газете. В конце концов, дошло до того, что нам пришлось в буквальном смысле скитаться по углам. Допоздна мы бродили по улицам, поглядывая утайкой на залитые электрическим светом окна многоэтажек. Потом он провожал меня до какой-нибудь из моих приятельниц. Сам же нередко отправлялся ночевать на вокзал. О, как нам хотелось тогда родного маячка среди этих окон, чтобы возвращаться вечерами в тихую гавань, к семейному очагу! Всё так и вышло. Но только ходики судьбы отстучали положенное, как я покинула нашу с ним упакованную квартиру. Забрала лишь книги и личные вещи. Окно родного дома оказалось бесплотным миражом. И я боюсь, что упустила в этой погоне за призраком что-то свое, настоящее. Впрочем, если подумать, не я одна, а все мы играем по жизни роли, не очень-то нам самим понятные. Покорно носим прилипшие к лицам маски, похожие больше на шоры для лошадей, чтобы не озирались по сторонам. Переключи однажды ветку стрелочник, мы даже не заметим: катимся до конечной, прежде чем понять, что вовсе не туда приехали, куда хотели. А потом кусаем локти, рефлекслируем, вот если бы да кабы... В этом весь Человек: усомнившись в правильности выбора, выстраивает собственную цепь предполагаемых последствий от альтернативных решений, и в том находит утешение. Моделирует обособленный псевдомирок – просто так, от нечего делать. Так поступают все люди, иногда даже сами того не замечая. Ужас же в том, что эта квази-действительность кого хочешь засосёт в воронку психических превращений. Несчастный выпадает из жизни: остается оболочка, а душа и помыслы переносятся в другую, им же сотворённую реальность. Если ты, читатель, сейчас с усмешечкой подумал, что вышесказанное к тебе не относится и что ты, слава Богу, не невротик какой-нибудь, всё-таки будь настороже. Помни, какой бы выбор ты не сделал, сомнений, скорей всего, не избежать. Ибо так уж мы устроены: полагаем, что судьба немилосердна и спрашиваем: «Саввах фани?». Почему это случилось? *со мной*

В 99м умер отец.

За полгода до этого я приезжала к нему в отпуск. Он был неизлечимо болен. Врачи поставили диагноз: сахарный диабет в прогрессирующей форме. Необходимы были строгая диета и хороший уход. Ничего такого одинокий старик позволить себе не мог. Когда я увидела его, у меня сердце сжалось: кожа да кости. Некогда осанистый, красивый мужчина превратился в развалину. Но он по-прежнему оставался верен себе: грубоватый и заносчивый, сложный в общении и болезненно капризный. Он как будто не признавал жестоких реалий и весь был устремлен в будущее. Хотел достроить новый дом, во что бы то ни стало кому-то что-то доказать. Ни сам недуг, ни полуголодное, нищенское существование не отрезвляли его нездорового оптимизма. В итоге, мы не нашли общий язык, рассорились, с тем я и уехала, то есть, по сути, оставила отца в ужасном положении. Буквально накануне его смерти мне приснился отчётливый кошмар: дом, где наша семья жила до развода родителей, охвачен пламенем. Какие-то незнакомые люди мечутся туда-сюда, вынося из пожарища вещи. Только мы с ним стоим безучастно, словно нас беда не касается. А потом, в какой-то момент я понимаю, что его рядом нет. Был и нет, моментально, как меняются на киноплёнке кадры.

За три последующих года вслед за отцом поумирали дед, бабушка и добродушный старичок-дурачок Андрей – бабулин брат, который нянчил меня маленькую, а когда я подросла, советовал «на летчика учиться».

Помню день, когда я стояла посреди их пустой квартиры, и неотрывно глядя в темно-синее небо, украшенное крупными звездами, думала: давно ли здесь было шумно и весело, звенели детские голоса, пытела на плите бабушкина стряпня? А сейчас только стопка пожелтевшей «Правды», которую читал утрами дед, пылится на подоконнике, да старая мебель грохочется по углам, как надгробия. Эта горькая немота, ощущение хрупкости и несправедливой скоротечности жизни навалились на плечи такой невыносимой тяжестью, что перехватило дыхание, и я едва не разревелась навзрыд. Но тут как будто сквозняком повеяло, наискосок от виска, и кто-то невидимый еле слышно выдохнул за спиной:

– Не бойся смерти... Она не для нас с тобой.

4 Временный союз с мамонной

Знаете, что пришло сейчас в голову? Что по сути всё великое питается токами сиюминутности. И именно это роторное вращение вокруг повседневных нужд, смены лиц и задач на сегодня, завтра, послезавтра и так далее, рождает, в конце концов, базисный смысл каждого существования – ту самую почву, на которой всходят сначала осторожные, а затем всё более и более смелые всходы.

Возьмём шопинг. Самое банальное занятие, в котором все мы, естественно, доки. Так нам хочется думать. На базарах с азартом торгуемся, нарезаем круги, сопоставляем цены. Но берём в итоге то, что «вкуснее» выглядит, ибо уже за десять минут пребывания в царстве съестных ароматов разыгрывается настолько зверский аппетит, что напрочь заглушает голос разума. Ещё более характерный пример – с гардеробом. После сомнений и внутренней борьбы таки срываешь с плечиков понравившуюся тряпицу, не соразмерную размеру кошелька. И уже на кассе, прибросив, сколько лишних денег потрачено, начинаешь тихо себя ненавидеть.

Однако поверьте, если волею судеб вы окажетесь по другую сторону прилавка, всё усложнится на порядок. Ваша совесть, какой вы знали её с рождения, станет для вас чуть ли не персоной нон-грата. Это, кстати, совершенно оправданная мера, компромисс. Не забуду, как подвизалась я в челночной торговлишке, и до чего поначалу было продавать что бы то ни было и кому бы то ни было. Хотелось раздать весь товар бесплатно и бежать куда глаза глядят. Однако со временем я усвоила и зарубила себе на носу «золотое» правило: покупатель, он уже не сосед, не приятель, не бывший сослуживец и тому подобное. И относиться к нему нужно, как к покупателю. Точка. *неудобно*

Я вовсе не хочу сказать, что цинизм – краеугольное качество любого предпринимателя. Есть же среди них и спонсоры, и даже (хотя, большая редкость), меценаты. Благотворительные фонды от них кормятся. Но я убеждена, что установка «Не обманешь – не продашь» действует по всей вертикали бизнеса: от мелкой бакалеи до поставок нефти и газа.

Эта скверная философия: «Покупатель – всего лишь клиент», – какое-то время выручала, но всё же мой союз с Мамонной не принёс ожидаемых плодов. Вместо прибыли и достатка, я получила сплошную головную боль и проблемы с налоговой. Видимо торговцем нужно родиться. Даже на фоне нестабильной российской экономики мои «телодвижения» по части заработать сильно напоминали полёт над минным полем на примитивном аппарате братьев Райт.

Будь рядом надежное плечо, я бы с радостью плюнула на всю эту бесполезную канитель. Воспитать в себе бизнес-вумен в принципе невозможно: либо ты по натуре хваткая и деловая, либо слабая и бесхребетная. Отсюда – нервные расстройства, нарушения менструального цикла, раннее старение и в конечном итоге – недовольство собой и жизнью. Присмотритесь внимательней к каждой такой, со сдержанным вкусом одетой, безупречно подкрашенной и во всех отношениях приятной даме – увидите запредельную грусть, скрытую в уголках чуть опущенных губ, в тонких лучиках едва заметных, хорошо замаскированных морщинок вокруг глаз. Мы, женщины бальзаковского возраста, из поколения, шагнувшего с марксизмом-ленинизмом в головы прямохонько в дичайший капитализм, – возродились там заново, как афродиты из пены морской. Всё еще молодые, но многое повидавшие; по-своему честные, но бескорыстные; великодушные, но расчетливые – чего требует от нас родительский долг. Своих детей у меня нет, но есть одно «чадо» – брат Иван, который, так уж вышло, что младше меня почти на двадцать лет.

...

Расскажу, при каких обстоятельствах появился он на свет.

... Когда тебе за тридцать, начинаешь иначе смотреть на проблему полов. Говорю от лица женщин. Если мужчины в большинстве своем успевают к этому времени перебеситься, полысеть и обрюзгнуть, то прекрасная половина человечества, наоборот, вступает в наиболее активную фазу сексуальности, набирая цвет и очарование не по дням, а по часам. Самая задерганная начальником-деспотом чиновница, самая изнуренная бытом домохозяйка, самая безнадежная феминистка-синий чулок – начинают вдруг подолгу, с задумчивым пристрастием изучать свое отражение в зеркале и приобретать разнообразные тюбики с кремами, тушь и помаду в количестве, намного превышающем разумные нужды. В результате преобразенная хищница, совершенно без задней мысли, начинает ловить в свои сети всё и вся мужского пола, о двух ногах.

Такое подсознательное, я бы даже сказала, инстинктивное стремление к обновлению и встряске не обходится, конечно, без последствий. Одни отделяются легким испугом и сохраняют семью, другие же, очертя голову, бросаются в омут предосудительных отношений. Как случилось это с моей матерью. Ей было тридцать шесть, когда она развелась с моим отцом и стала жить в гражданском браке с другим мужчиной, от которого и родился Ванюшка.

Сейчас ему семнадцать. Может, оттого я хорошо понимаю мотивы многих его поступков, что собственное позднее отрочество оставило в моей душе жестокий отпечаток. Два десятка лет назад разом рухнули все столпы, на которых держался мир моего детства.

Развод родителей совпал со сдачей выпускных экзаменов, а на горизонте маячила золотая медаль. Ради такого случая они изо всех сил старались поддерживать видимость нормальных отношений, но я, безусловно, чувствовала неладное.

Очень хорошо помню то время и родной дом, в котором я постепенно становилась посторонней. Между мной и домом с каждым днем усиливался холодок отчуждения. Дело было вовсе не в том, что я готовилась уехать на учебу в другой город. Видимо, догадывалась: никогда мне в эти стены не вернуться. А ещё, шестое чувство подсказывало, что виновница недобрых перемен – мать. Я помалкивала, но на любую её попытку поговорить, приласкать ошцетинивалась как ёж. С отцом же я вообще мало общалась.

Сколько воды утекло, страшно представить... Многократно складывая из отрывочных эпизодов мозаику тех дней, я всей душой хочу вернуть время назад, наладить отношения с родителями и помешать их расставанию. Но умом понимаю: ничего изменить нельзя.

Моему брату суждено было родиться, и он родился. Ведь на поверку любая случайность закономерна. Каждый шаг означает выбор. И этот процесс необратим: причина – следствие – причина – очередное следствие. Данное правило касается всех, без исключения. Единственно неоспоримая справедливость на свете...

5 Хранитель мой, Сехей!

Ну вот, первые несколько глав новой книги написаны. Как говаривал последний генсек Советского Союза, «хлавное – нАчать». Работа отнимает буквально всё свободное от неизбежной рутины время. Но какой-то частью здравого рассудка я улавливаю: что-то сдвинулось, как тектонические плиты, изредка подпихивающие друг друга под земной корой. Ощущение засасывающей и парализующей волю, но приятно обволакивающей воронки нарастает столь же стремительно, как летний ливень, который, едва зашлёпав каплями по асфальту, оборачивается стеной воды. Разумеется, самые важные вещи остаются неизменными: гравитация, смена сезонов, круговорот рождений и смертей. Но в реальности (которая у каждого своя), можно даже вслепую нащупать знаки перемен. Имеющий уши, да услышит!

Глубокой ночью раздаётся звонок. С перепугу не сразу соображаю: телефон это или в дверь звонят? Телефон. Чёрт, и пары часов не поспала, просидев за писаниной, а за окном, гляди-ка, светает!

– Н-нуу? – выдавливаю я в бешенстве. Сто процентов, думаю, налакавшаяся в баре приятельница! Упилась до синих соплей, и не вмоготу ей без душевных разговоров...

– Подковы гну!

Мужчина. Неожиданно... И ни тебе «Доброй ночи», ни «Извините за поздний звонок»... Хам какой-то.

– Вы номером ошиблись! – в ответную ремарку я вливаю столько яда, что вместо звуков раздаётся шипение. Но на том конце провода делают вид, что не замечают этого.

– Не узнаешь? – с налётом пьяной печали интересуется баритон.

– Не узнаю!

– Ну и ладно. У меня есть к тебе одно дельце. Ты ведь на книгу уже подсела?

Ага, говорю себе, пора прекращать диалог с сумасшедшим!

– Вы о чем?

– О новой книге, – спокойно отвечает собеседник.

– Чьей?

– Твоей, разумеется, – его ирония усиливается, – Не Мураками же.

– Вы кто такой вообще? – подмышки у меня моментально становятся мокрыми, – Это что, розыгрыш? Я отключаюсь, извините...

– Подожди-подожди! – скороговоркой останавливает незнакомец, – Два-три слова буквально! Во-первых – не откладывай дело в долгий ящик...

Следует «беременная» пауза.

– А во-вторых? – подсказываю я, торопя развязку.

– Поскорей найди того, кто тебе поможет! – голос собеседника стремительно удаляется куда-то в бездонную пропасть эфира.

«Пик-пик-пик»... Обрыв связи. И номер в списке вызовов не определяется.

Все последующие дни я ловлю себя на мысли, что поглядываю в сторону телефона. Если жизнь – «это сон во сне», то пора бы проснуться. Не припоминаю, чтобы ставила кого бы то ни было в известность о своих творческих планах!

Так кто же этот человек? Ума не приложу...

Ну да, случались со мной курьёзы. Однажды звоню в другой город, поздравить с днем рождения подругу Люсю и минут десять мило с ней беседую. А потом она говорит:

– Ой, спасибо тебе за поздравление, только я не пойму, почему ты сегодня меня поздравляешь?

– А что? – спрашиваю я, смутно догадываясь о подвохе.

И что вы думаете? Оказывается, я ошиблась при наборе номера и попала к совершенно другой Люсе, у которой примерно схожая жизненная ситуация, но вот день рождения – неделей позже!

Но совпадения совпадениями, а в данном случае – не смешно. Уйти от назойливых мыслей о загадочном собеседнике не получается. Он слишком хорошо осведомлен. Я бы даже сказала, полностью владеет информацией о моей текущей жизни. Знает, что я читаю и о чём пишу, на чью помощь рассчитываю. Бес, ей-богу! И откуда он только взялся на мою голову?

...Отзовись, Сехейя! Что молчишь? Где и когда мы были вместе? Не помню... Одни грёзы тоскующей плоти изводят, лишают покоя и сна. Я так любила тебя, что, видимо, растворилась в этом чувстве без остатка. Меня не стало, а ты продолжаешь жить...

Знаете, в детстве я была большой выдумщицей. Сочиняла целые драматические сюжеты. А когда мыла посуду или разбирала школьные тетрадки, то разыгрывала их вслух, устраивая этакий театр одного актёра. Однажды сестра вернулась раньше времени со школы и застала меня врасплох.

– С кем это ты разговариваешь? – спросила она.

– Ни с кем... – замялась я и отвернулась, чтобы спрятать смущение.

Вот и сейчас мне очень не хотелось бы делиться с кем-то своим переживанием. Но ждать звонка и не дожидаться – этот страх доводит до полного отчаянья. Ночной разговор засел у меня где-то в центре мозжечка, отчего связь между правым полушарием, сконцентрированным на книге, и левым, отвечающим за быт, окончательно разорвалась.

...

...Ты глядишь на пожелтевшую от времени фотографию и в бледном овале лица не узнаешь меня. В бесцветных очах нет жизни, она утекает из этого снимка, улетучивается, как аромат духов, оставляя бессмысленную пыльную горечь. День за днём ты теряешь меня...

Прошел, наверное, месяц, прежде чем таинственный собеседник снова позвонил.

– Да-да, – закричала я в трубку и мысленно захлопала в ладоши.

В эфире что-то подозрительно потрескивало, и шумели, как прибой, чьи-то далёкие голоса.

– Эй, не пропадите! – заволновалась я.

– Связь барахлит, – отозвался собеседник, – Как там твоя книга? Продвигается?

– Более ли менее... Откуда Вы звоните?

Глупее вопроса не выдумать... Не ведать ни имени, ни отчества, ни вообще, кто таков, и при этом интересоваться местом нахождения!

– Издалека, вестимо. – хмыкнул, – Ну ты как, дозвонилась до нашего друга? *некто*

– До какого друга? Ах, этому... Нет, никак не насмелюсь.

– О! Это несерьезно! Не насмелится она, – собеседник цокнул языком, – Время, радость моя, поджигает! Тебе сколько лет?

– Тридцать шесть, – упавшим голосом призналась я в том, в чем обычно с маху не сознаются.

– Не успеешь глазом моргнуть – сорок стукнет! И всё, прощай молодость! Так что, отставь-ка свою ложную скромность на полочке в ванной и позвони, пока не поздно. *ему*

– Я даже не знаю, куда... я номера не знаю!

– Пошевели мозгами, детка! Услышимся...

В телефонной трубке окончательно засвербило, и связь оборвалась.

... Я все-таки надеюсь тебя отыскать. Я в это искренне верю. И пускай наши взаимно несуществующие миры окружены такими плотными мембранами, что легче верблюду пройти через игольное ушко, чем живому существу попасть из одного в другой,

но рано или поздно, ведомые чутьём, мы подойдём к границе так близко, что сможем коснуться пальцами пальцев и услышать друг друга. А это – уже немало...

5

Женское счастье

Помню, одно время все мои помыслы направлены были лишь на то, как бы отвоевать у судьбы кусочек женского счастья. Точно так же как потом мне не понятно с чего взбрело в голову заняться сочинительством. А тогда я не пропускала ни одной вечеринки, жутко флиртовала с любым, кто давал тому повод, да и спала... не то, чтобы со всеми подряд, но без особого разбора. Мне казалось, сделай я над собой небольшое усилие, и окажусь по ту сторону одиночества, где ждет кто-то, по-настоящему близкий. Но этого не случилось. После развода с мужем мне пришлось пережить ещё несколько серьезных разочарований. Иной раз иллюзия безмятежной влюбленности исчезала так внезапно, что не давала ни малейшей возможности опомниться. Как будто резко, в самом непредсказуемом месте обрывался полнометражный фильм. *свой*

Так продолжалось несколько лет. Я очень боялась, но все-таки вынуждена была признать, что жизнь моя – сплошная повседневная борьба за выживание, – никогда не украсится длительными и гармоничными взаимоотношениями с мужчиной. По правде сказать, я никого не могла долгое время вытерпеть. В одно прекрасное утро я просыпалась, пристально изучала лицо спящего под боком самца и приходила к выводу, что он мне отвратителен. «Какая ошибка! Ты думала это любовь...».

Ты растворяешься во мне, словно солнце, словно животворное пламя, не обжигающее, а приносящее неземное блаженство... Ничего плотского, но я понимаю – это грех, в том первоначальном смысле, какой заложен был Создателем.

Сехейя! Я до смерти хочу твоего тела. Если нужно, я готова поделиться с тобой плотью и кровью, отдать тебе половину сердца и легкие, чтобы ты мог дышать этим воздухом, и правое полушарие, чтобы мы стали как одно... Я бы сотворила тебя, если бы могла. Но непроницаемое забвение обволакивает тени былого... Помни я твое настоящее имя, повторяла бы его бесконечно, как священную мантру, чтобы добавить тебе сил и решимости прорваться сквозь толщу времени и пространства...

Опять уселась за комп. Мазохистка! А ведь думала отвлечься хоть сегодня. До одури пялилась в телевизор, просматривала свежие сплетни в газетах. И всё-таки села. В два полуночи. Для меня – как бы, в общем-то, норм. Тем более, что домашние спят уже таким глубоким сном, что можно слушать потихоньку старые баллады и отворять скрипучую оконную раму, чтобы покурить. Кстати, о зависимости. Думаю, творческий процесс тоже способствует активной выработке в крови эндоморфина, потому что меня, например, страшно напрягает, если на сон грядущий не черкну хотя бы пару строк...

(Многоточие в этом месте уместно лишь постольку, поскольку раздаётся телефонный звонок).

– Не разбудил? – интересуется вкрадчиво знакомый полубас-баритон.

– Ну что Вы! – отвечаю, – Какой одержимый в третьем часу ночи да спать будет?

Абонент молчит. Усмехается. Странное дело: лица его я себе не представляю, а вот усмешечку вижу, как у чеширского кота, вижу словно наяву.

– Знаете, – уведомляю я, забегая наперёд, – к стыду своему, я так и не связалась с «нашим другом».

– Думаю, тебе не следует этого делать, – ошарашивает вдруг собеседник.

Брови у меня произвольно выгибаются дугой.

– По крайней мере, не поразмыслив предварительно. Видишь ли, я как-то сразу не подумал... Тут важно, чего ты ждешь. А ну как не сможет он дать тебе то, чего ты хочешь? Тогда наступит абстиненция, понимаешь? *на самом деле*

– Угу, – киваю я, – В смысле, термин.

И тут до меня доходит, что он имеет ввиду!

– Вы что там думаете, что я до сих пор в него влюблена?

– А разве нет? – простодушно изумляется собеседник.

– Да Вы с ума сошли! – мне становится и весело, и страшно, – Слушайте, кто же Вы такой? Я Вас когда-нибудь видела?

– Разумеется, – с толком дела отзывается тот, – Неоднократно.

– Где?

Баритон вздыхает:

– С книгой все в порядке?

– Не надо переводить разговор в другую плоскость! – со дна моей, может, и не очень глубокой, но всё-таки ранимой души поднимается буря негодования, – С книгой ... Как мне кажется. Смотри, что считать нормой. Как по-Вашему, способ общения, который Вы избрали, можно назвать нормальным? Я не знаю ни Вашего имени... *всё в порядке*

– Ни роста, ни цвета волос. Ни семейного положения, – продолжает за меня собеседник.

– Да! И это – меня тоже интересует.

– Вынужден разочаровать – женат...

– Подлец, – перед глазами у меня стоит уже не чеширская усмешка, а какое-то жалкое подобие улыбки, как у печального мима, – Вы что, не понимаете, мне надоело играть в прятки. Или сейчас же говорите, кто Вы такой, или идите в... баню, со своими наставлениями! Сама как-нибудь разберусь...

– В известной степени, ты права. Но всему свое время, – отвечает собеседник и отключает связь.

Над кроватью постер: связка из шести ключей. Очень древних, ржавых, но все-таки великолепных. Тонкая работа, сразу видно: их изготовил умелый ключник, мастер своего дела.

Шесть. Я всегда думала, что от рая – семь. Возможно, это ключи от ада. Они так натурально выглядят – еще одно преимущество современной фотографии: снять вещи таким образом, чтобы при всей обыкновенности они не потеряли сакрального содержания.

Чем-то они меня притягивают...

Лязг тяжелого металла в замочной скважине. Ещё немного – и врата отворятся. Но что по ту сторону? Вечная казнь или райское блаженство?

6

О природе невезения

Сколько себя помню, всегда была невезучей. Меня до смешного легко обворовать любому начинающему карманнику, а если с вечера я решаю отложить мытье головы на утро, то утром обязательно отключают горячую воду. Говорят, кому не везет в мелочах, тот выигрывает по-крупному. Враки! По-крупному я только проигрывала. Ей-богу, до того свыклась со статусом неудачницы, что свались мне на голову кирпич, даже глазом бы не моргнула. Подумаешь, кирпич! Вот рояль бы пролетел – тут и сказочке конец...

А так, живу себе. Погруженная в рутину одинокая женщина, без особых примет и талантов. Старый, в общем, лейтмотивчик – маленький человек, с его минимальными запросами и никому неинтересным внутренним миром. Течение жизни отметаёт его в сторону, словно дворник метлою опавший лист. Но потом его, забытого, подхватывает на лету ветер и уносит куда-то очень далеко, за пределы нашего брэнного мира...

Дождливое утро в Домодедово. Год 1993. Под навесом автобусной остановки – хмурые, как погода, пассажиры федеральных рейсов. Только небольшая группка студентов-альпинистов в ярких ветровках, с рюкзаками как-то оживляет мрачноватый монолит бетонной стены за спинами. Студенты с горящими глазами обмениваются впечатлениями о поездке. Среди них – две-три парочки, которые, нисколько не стесняясь, целуются взасос... Эх, молодость!

Подходит грязный по самую «ватерлинию» «Икарус». В салоне, ещё более темном, чем остановочное укрытие, я плюхаюсь на случайное место, даже не взглянув на соседнее кресло. Не все ли равно, с кем проехать рядышком эти сорок минут до столицы?

Качнувшись, автобус плавно трогается с места.

И тут в соседнем кресле что-то начинает шуршать. Поворачиваю голову: худенькая девушка в непромокаемом плаще.

– По делам? – спрашивает она и улыбается уголками губ.

– Ну да, – отвечаю я, прищурившись.

Мне не нравится, когда в собеседники навяливаются. Отвернуться было бы уж совсем невежливо, поэтому я нахмуриваюсь, как будто обдумываю что-то важное. И все же случайная попутчица меня притягивает. Что-то есть в её бледном, измождённом лице, жалкой и доверчивой улыбке, отчего даже сердце щемит. Она постоянно прикладывает ко рту влажный носовой платочек.

– Вчера сделала аборт, – признаётся она, заметив, что я искоса слежу за ее жестами, – еще не успела от наркоза отойти...

Мне – двадцать пять, кровавую подоплёку этого медицинского термина я уже испытала на собственной шкуре. Поэтому, хотя откровение попутчицы и корбит, киваю с пониманием.

– Какой тяжелый день, навевает мрачные мысли, – глядя за окно, продолжает девушка, – Сегодня, наверное, магнитная буря...

Какая странная противоречивость в объяснении плохого самочувствия! Явный интроверт. Ищет, с чего бы начать разговор. Это удивительно, но факт: если ваш попутчик в дороге умудряется раскрыть вам за короткое время несколько подряд семейных тайн, можете не сомневаться: в привычной среде он или она – замкнутый субъект. Просто иногда таких людей «прорывает» и они изливают душу тому, у кого меньше всего шансов столкнуться с ними когда-либо ещё.

– Что делать! – откликаюсь я, – Жизнь продолжается в любую погоду. Это самолеты могут себе позволить не летать. А люди всегда в движении... Вы, вот тоже – в таком состоянии, а куда-то спешите!

– У меня в Москве дочка живет, – попутчица застенчиво улыбается, как будто солнечный лучик пробивается сквозь плотные тучи, – Завтра ей исполнится три годика...

– Вы живете врозь? – удивляюсь я.

Такая малютка, подумать только – всего три года, – растет без матери!

Собеседница кивает и утирает платочком уголки глаз.

– Так вышло. У меня мужа убили год назад. И все так закружилось. Словно в адской пляске. Читали «Бесов»? Там метафора меня поразила: бесовское веселье, как они собираются вместе и кружатся, радуясь человеческому горю...

Пару минут мы сидим молча. После чего она продолжает рассказ, спокойным, чуть охриплым голосом.

– Мы с мужем хорошо жили. Он – коренной москвич. После института хотел в аспирантуру поступать, но друзья заманили в бизнес. А он вообще человек был увлекающийся, если загорится какой-нибудь идеей, весь выкладывался. Я его, бывало, сутками не видела. Когда Полинка, наша дочь, родилась, он уговорил свекровь пожить у нас, чтобы было, кому мне помочь. Но, в целом, жаловаться мне было не на что. Он обожал нас с дочкой, заваливал подарками. Однажды усадил меня в машину и повез за город. На все расспросы отвечал: «Сюрприз!».

На каком-то очередном повороте он притормозил, велел закрыть глаза и пригрозил шутиливо:

– Чур, не подглядывать!

Мы повернули и проехали еще метров триста.

– Смотри! – позволил муж, затормозив.

Я, знаете, ахнула. Решила: устроил мне романтический отдых вдвоем. И место – лучше не придумаешь. Изумительно красивый пруд с помостом, а на берегу – деревянная дачка в два этажа, выкрашенная в зеленый цвет и похожая на малахитовую шкатулку.

А потом он сказал мне вот что.

– Теперь это наш дом! Здесь мы будем отдыхать, когда только захотим. Полинке-то какой простор, а?

Это было неожиданно. Неожиданно хорошо! Я разулась и босиком по траве побежала к дому. Строение выглядело заброшенным, заросло высоким быльём, но это в нем и привлекало больше всего – обаяние уединенности. Я сразу прикинула, сколько краски потребуется, чтобы обновить стены, какой мебелью обставить пустые комнаты, какие навесить шторы. Мне хотелось расцеловать половицы. Настоящий загородный дом! Здесь можно принимать друзей – многочисленных и весьма прожорливых, – кормить их шашлыками и ушицей... Полька не поверит своему счастью. Столько простора для игр! Или – тихие вечера, когда дочка уже спит в своей кроватке, а мы сидим, обнявшись, на шатком помосте и считаем звезды в воде...

А через месяц его нашли утопленным в этом пруду. На его шее была завязана веревка. Другой ее конец был, видимо, намотан на камень, но соскользнул, и покойник всплыл на поверхность. Соседи-дачники, которые иногда приходили за водой для полива, увидели торчавшие из под моста ноги...

Не знаю, как так получилось, но когда я приехала туда по требованию следователя, тело еще даже не вытащили на берег. Я смотрела на белую, неестественно гладкую спину мужа и не испытывала ничего, кроме рвотных позывов. До меня не доходило, что это там плавает, лицом в воде, понимаете? *он*

Когда мужа хоронили, его компаньоны прямо на кладбище заставили меня подписать доверенность на управление его долей в бизнесе и на продажу нашей с ним квартиры. Сказали,

он много задолжал серьезным людям, и надо рассчитываться. Сначала спокойно так сказали. Но я отказалась подписывать бумаги и тогда почувствовала совсем другое к себе отношение.

– Слышь, овца! – процедил один сквозь зубы, – Твой мужик на бабло попал, ты не доперла что ли? Давай подписывай, а то мы тебя пахану тому волосатому в лярвы определим!

Другой цинично сплюнул:

– Хочешь дружеский совет? Вали-ка ты обратно в свой Мухосранск...

Связываться с ними равно было самоубийству. У них – лучшие адвокаты, купленные нотариусы, пушки в карманах и ноль проблем с совестью. Ввиду её отсутствия.

Мы с дочкой перебрались к родителям мужа. Я долго пыталась найти хоть какую-то работу, но Москва, сами знаете, город немилосердный. Свекровь, бывшая учительница, ничего в современных порядках не смыслит. Живут со свекром как два ходячих анахронизма, верят в коммунистические идеалы и светлое будущее. Поначалу меня это ужасно злило. Но потом я поняла: так даже лучше. И оставила на них Полинку. Уж лучше пусть живет себе в их нафталиновом мире, чем видит то, в чем мне приходится барахтаться...

...Попутчица смолкает, можно сказать, на полуслове. И я вдруг понимаю, что запас ее откровенности иссяк. Что она погрузилась в себя, и ничто на свете не заставит ее прибавить к сказанному хотя бы междометие. Мы вместе выходим из автобуса, а через минуту она уже растворяется в потоке людей, бегущим по своим делам. Какое-то время я оглядываюсь по сторонам, пытаюсь отыскать ее глазами: у входа в метро и на эскалаторе, – но незаметно переключаюсь на собственные проблемы.

7

Любовь моя, печаль моя

Едва успела я дописать предыдущую главу, как случилось неожиданное. В одной государственной конторке откликнулись на моё резюме, наверное, годичной давности, о котором я и сама-то успела подзабыть. «Пора завязывать с торговлей, которая не приносит никаких других плодов, кроме долгов и огорчений!» сказали в голос мать и сестра.

Немного поразмыслив, я решила, что ничего не потеряю, если схожу на собеседование в эту богадельню.

По иронии судьбы, начальник конторки оказался моим знакомцем. Года полтора назад у нас вышел мимолетный роман, и я, конечно, испытывала легкую неловкость оттого, что приходится общаться с ним по поводу трудоустройства. Мне показалось, он тоже растерялся. Так что мы оба выглядели, как провинившиеся ученики в кабинете директора. Поначалу я рассчитывала, что его симпатия давно улетучилась, и у нас сугубо деловой разговор, но с каждой минутой всё больше понимала – ничего подобного. В итоге, договорились встретиться в свободное время на нейтральной территории. Что тут скажешь? Конструктивно пообщались!

Вернувшись домой, я закрылась в комнате и попыталась сосредоточиться хоть на чем-нибудь. Но тщетно. Мысли блуждали в моей голове как бестолковые и своенравные козы: то пробираясь дружно в чужой огород, то разбредаясь по окрестностям на недостижимые расстояния. В таком настроении сесть за книгу – все равно, что спросонок заняться макраме...

«Догорает закат, и зажигаются огни большого города. В многолюдном месте так и хочется спрятаться от посторонних глаз. Вечерами я запираюсь в маленькой квартире, снятой по случаю и недорого, и, потягивая виски или пиво, слушаю старинные хиты. Но этого мне кажется недостаточно, и я еще больше ограничиваю свое внутреннее пространство: закрываю глаза и представляю себе тенистый сад, тихую аллею...

Прикосновение твоей руки невесомо, а дыхание похоже на ласковый ветерок. Кто сказал, что ты ушла навсегда? Это неправда. Нет смерти для тебя. Просто ты по другую сторону глухой стены, окружающей мой печальный сад. Ты там, я точно знаю. Интересно, чем ты сейчас занята? Может быть, читаешь? Или ждешь звонка? Или просто сидишь, глядя прямо перед собой и пытаешься уловить, что за кошки скребут на душе?

Когда-нибудь ты всё поймёшь. Я в это верю и только потому всё ещё цепляюсь за свою одинокую жизнь»...

Ну не умею я подолгу держать на людей зла! Поэтому, когда таинственный «чеширский кот» звонит в очередной раз, очень даже радуюсь. Во всяком случае, пообщаться с ним мне хочется гораздо больше, чем идти на свидание к потенциальному работодателю. Правда, выкапывать своей радости не охота, ещё подумает, что флиртую.

– Ах, это опять Вы! – говорю я тоном брюзгливой училки, – Давайте сразу определимся, как мне Вас величать? Ну что, ей-богу, за детские игры?

– Хорошо, – соглашается собеседник, – Можешь звать меня Харуки. И, кстати, переходи уже на «ты».

– Ха-руки? – настрой на занудство сдувает как ветром, – Нет, подождите... Вы точно чокнутый...

– Ну почему? – невозмутимо парирует «Харуки», – Тебе ведь нравится Мураками?

– Мураками мне, действительно, нравится, но причем здесь Вы... то есть, ты? А в общем-то по барабану. Назовись хоть Наполеоном Бонапартом, я тогда на Жозефину стану откликаться. О кей?

– Слушай, мне вот что странно, – «Харуки» хмыкает и, похоже, закусывает губу, его выговор становится невнятным, – откуда в тебе столько агрессии? Это что, от продолжительного отсутствия полового партнера?

– Пошел ты! – сотовый телефон летит куда-то в дальний угол комнаты. Вот и с договорились... *этим*

«День за днем я пролистываю твои мысли. Дневники в поистершихся тетрадках. Беру их в руки и физически чувствую твоё тепло. Где ты сейчас, любимая?»

Хорошо тебе в ангельской плоти! А я скучаю. Ночью, в абсолютной темноте воображаю: ты рядом. И упиваюсь пьянящим самообманом до того как начнёт светать»...

Игра зашла слишком далеко. Думаю, тот, кто называет себя «Харуки», хочет сжечь за моей спиной все мосты, все пути к отступлению.

Вчера он позвонил в необычное для себя время – ещё до полудня.

– Тебя радует моя тактичность? – поинтересовался он первым делом, – Звоню как личный человек, в одиннадцать часов утра...

– Да уж, – откликнулась я, – Наверное, съел чего-нибудь!

– Ну и юморок у тебя! Как у автослесаря с восьмью классами, – рассмеялся Харуки.

– Эй, полегче на поворотах! – осадила я его прыть, – Ты еще за предыдущее хамство не извинился.

– Насчет нерегулярной половой жизни?

– Не все же такие счастливики, как ты, – игривый тон собеседника задел меня за живое, сразу захотелось ужалить его в ответ, – Трескаешь жинкины борщи да вареники, по ночам ее тискаешь – ну и радуйся! Нечего тут... убогих обижать.

– Да-а? – протяжно удивился Харуки, – Это кто у нас убогий? Уж не ты ли?

– Я, допустим.

– Гомерический хохот я опускаю, – среагировал телефонный мистификатор, но всё же хохотнул, – Тоже мне, страдалаца... Буриданова ослица, вот ты кто! В глубоком ступоре раздумий.

– Знаешь, что? – разозлилась я окончательно, – Ты дождешься, пошлю тебя в такую даль, что обратной дороги не найдешь!

– Прости, – собеседник шумно вздохнул, – Но тебе необходимо сделать окончательный выбор. Понимаешь, о чем я?

– Не совсем...

– А мне думается, отлично понимаешь. Просто трусишь. Смелей! Разве не об этом ты мечтала: увидеть мир таким, каков он есть на самом деле?

... Действительно. Тут он прав. Для меня нет ничего слаще какой-нибудь захватывающей дух научной сенсации. Артефакты сводят меня с ума, а свежие гипотезы завораживают настолько, что по несколько дней я не могу ни думать, ни говорить о чем-либо другом. Всем людям в той или иной степени свойственно любопытство, но мой нездоровый энтузиазм в этом отношении не имеет границ. Будь то жизнеописание Рамзеса Второго, спор Эйнштейна с Бором, история зарождения символизма, – я всюду ищу свои. Как ищут родственную душу, точку опоры, верную дорогу в жизни, так я стараюсь отыскать забытый смысл. Восстанавливаю по крупицам разрушенную неизвестным катаклизмом мозаику... *знаки*

После слов Харуки я почувствовала, как напрягся позвоночный столб, словно перед прыжком. Нет, определенно во мне есть что-то от хищника...

Короче, отказаться от соблазна я не смогла.

– Хорошо, – сказала я, сглотнув накопившуюся во рту кислую слюну, – Я согласна. Если мне гарантируют безопасность...

Харуки хмыкнул:

– Ты шутишь, что ли? Думаешь, у нас программа защиты свидетелей или тому подобная фигня? Давай так: ты , а там посмотрим... *попытайся*

Пик-пик-пик... И что у него за манеры? Ни тебе «здрасьте», ни «до свидания»!

«В том, другом мире помнишь ли ты обо мне? Вот что тревожит меня больше всего. Смотрю на нашу фотографию, где мы обнимаемся у самой кромки воды: море вышло густо зеленым, что весьма странно для такого солнечного дня. Я вообще-то не верю в приметы, но, когда впервые взглянул на этот снимок, сердце как-то нехорошо екнуло. Так и вышло: это фото оказалось последним»...

Уж не знаю, что подразумевал под попыткой лже-Харуки, а только бессонная ночь мне обеспечена. Взвинченное состояние не даёт сосредоточиться на книге, тем более на делах, так сказать, мирских. Так что пока от моего согласия – сплошные минусы. И ни одного плюса...

Проследив за траекторией, которую начертала в ночном пространстве за окном недокуренная сигарета, я уселась с ногами на расстеленную постель и стала ждать. Чего именно – не ясно. Возможно, внутренних подвижек, возможно, внешних перемен. Но свет гасить не стала. Даже компьютер не выключила: поставила музыку.

Стинг – какое приятное жало, в самое сердце. Умеют же люди душу беречь! Или Эмма Бантон. Как будто ласковой ладонью гладят по затылку, и боль стихает.

Время от времени я поглядывала на часы. Стрелки передвигались по циферблату со скоростью раненой во все четыре конечности черепахи. Может быть, у меня получится поймать неуловимый миг настоящего? Хотя... Есть ли в этом какой-нибудь смысл? Задержаться на мгновение в вечности, чтобы осознать: нет смерти для меня, только жизнь, перетекающая из сосуда в сосуд, из клетки-матери в новорожденную клетку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.